

Маргинал Монолог из цикла "Разговоры с Богом"

У молеельного камня появляется Мужчина. Без ноги, без руки, без уха, без глаза, без верхней губы. Садится, молчит. Наконец, разверстает уста.

И речь у него странная...

Смотри... я впервые пришел... Ты мне нужен сейчас...

Молчит. Озирает пространство окрест.

Долго не верил, что Ты — есть. Я жил в таком месте — похоже, до нас Ты не добирался. У нас говорили — мол, Тебя нет, эту сраную жизнь никто не придумывал, сама появилась. А что, думал я, действительно, такая дурацкая и подлая, уж если могла появиться — так только сама. Из пыли, из грязи, из дерьма...

Молчит.

Я не верил — и Ты не был нужен. Теперь я позвал — и Ты не явился. Вот, сам пришел...

Молчит.

Мне от рождения, сколько себя вспоминаю, ничего не нравилось. Дом, где рос, — старый, тусклый, в трещинах и паутине. Одно окно было в комнате — и то упиралось в грязную стену котельной, которая вечно чадила и воняла. Я к вонии привык. Ко всему привыкаешь, когда деваться некуда. Но как бы само собой у меня на лице образовалось выражение... Ну, похоже, как после удара бывает. Хотя до удара не доходило. Но выражение — как после него... Глядеть на себя в зеркало мне было неприятно.

Молчит.

Отца я не знал. Мать — красавица, дура, неряха, многомужка. Я ее обо-жал. Девятнадцать мужей за шестнадцать лет! Все девятнадцать были кретины. Ни одного не полюбил. Они меня раздражали, я их не понимал: чего они от меня хотят? От матери — от нее?.. Вообще — от жизни?.. И ма-ма — теперь я догадываюсь — тоже плохо понимала. Но то ли ей было все равно, то ли вкус был такой — на козлов. Козлы — они и есть козлы. Мог-ла бы и догадаться, что я, младенец еще, через них знакомился с миром. К шестнадцати годам, когда я хотел сказать *человечество* — я говорил: *де-вятнадцать вонючих козлов*.

Молчит.

Я, конечно, родился уродом. Само получилось — х-ха!..

Смотрит вверх.

Вот-вот, сама, ослепительно прекрасная, связалась с мерзейшим из козлов. Ее собственное выражение, я ничего не придумывал. Иногда на нее находило, она мне кричала, что я как две капли похож на своего папашу, наимерзейшего и наикозлейшего. Но только уж он-то — в отличие от меня — был прекрасен во всем, даже в собственной мерзости. Он был пьяным ветром, кричала, грязным дождем, матерщинным ураганом. С ним нельзя было жить — а только молиться на него и только ему поклоняться!..

Тяжело вздыхает.

Откуда и как он упал на нее, мой страшный папаша, и куда понесло его после — кто знает?.. Она-то не знала, точно, я верю. Но я вдруг отчетливо понял: ну, да, я возник не из гордой гармонии. И уж, конечно, не из прилива нежности и любви. Но случился, как говорят, в результате взрыва похоти. Из отравленных острых осколков отчаяния и пустоты. Вселенские запахи потных соитий проникли в меня до костей. Ни сбежать и ни спрятаться мне от тоски — ибо куда можно укрыться от самого себя?..

Молчит.

В школу я не ходил. Мои однопородные братья и сестры терпеть меня не хотели. Я читал, так бывает: у зверей, птиц, насекомых, людей... Кого-то не любят. До ярости. До истребления. А как истребят — почему-то вдруг, моментально, успокаиваются и только плечами пожимают: чего это мы его?.. И за что это мы его?..

Молчит.

Мама, мама... Единственная женщина, удивительная женщина, которая как-то была привязана ко мне... Всегда была рядом... Хотя изменяла с козлами... Но возле нее я мог жить...

Молчит.

Мамы однажды не стало — пришлось мне искать работу. Но чего я умел и куда мог пойти? Вот для Тебя загадка... Какой-то из бывших козлов пожалел и пристроил работать в анатомический театр. Театр — анатомический — красиво!

Я мыл покойников. Приготовлял... Они терпеливо молчали, не выказывали агрессии, в них, казалось, не было зла. Я подолгу смотрел на них, мне было странно: И КУДА ЭТО — ВДРУГ — ЗЛО ИСЧЕЗАЕТ?.. И ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ — ВДРУГ — СУЩЕСТВО БЕЗ ЗЛА?.. ИЛИ СМЕРТЬ — УДИВЛЯЛСЯ — НЕ ЗЛО?.. Я разглядывал бывших людей, еще так недавно блиставших умом, глупостью, пошлостью, злобой, добром, великодушием, жестокостью, коварством, — и думал: чего было злиться? Вот же и все... И чего суетиться? Вот же — и все?..

Молчит.

Из театра прогнали за странность. Так объявили... А жить было нужно. Ну, поначалу я продавал все, что продавалось: вещи, мебель, посуду, квартиру... Потом продал почку, селезенку, четыре ребра, одно легкое, правую руку по локоть, левую ногу ниже колена, правый глаз, левое ухо, верхнюю губу...

Горестно усмехается.

Что любопытно... Нюанс... Замечаю для смеха: меня целиком — целиком сотворенным — меня целиком не желали. Но грызлись, как лютые волки, в жутких очередях за всякий мой жалкий член, подкупали врачей, воздевая, стонали: желаю твой жалкий член! Желаю твой жалкий член!..

И опять усмехается.

Я уже говорил: я себя не любил. Продавал себя без сожаления. Увы, я уже видел прошлое, и будущее меня не возбуждало. Я знал, что солнце уйдет и появится снова; станет холодно — потом опять жарко; что всему есть свое время — жить и лгать, умереть и заткнуться. Одного я не знал: что однажды я вдруг полюблю...

Молчит.

Она так похожа на маму... И тоже красивая... Тоже, похоже, неряха... Растяпа... Недавно пришла на месте искусственного уха — искусственный глаз... Заметив, что я удивлен, улыбнулась невинно, просила не обижаться, чмокнула в кончик носа...

Улыбается.

А мир — странный... Когда не осталось надежды, казалось, совсем — он мне улыбнулся. Светло, беззаботно, как будто хотел мне сказать: "Эй, не горюй! Да не все так плохо, да эй!.."

Улыбается почти счастливо.

Ее поцелуй горел и сверкал на кончике моего носа, как алмаз. Я впервые не прятал лица, мне впервые хотелось кричать этому удивительному, этому прекрасному миру, что я еще есть! Что еще не конец! И что у меня — для него! — еще много прекрасных членов! И что я... Я-я-я... Я...

Поднимается.

Я, смотри... Удаление сердца на завтра... Но подумал, что я не продам... Я и деньги верну — не продам... И последнюю руку теперь не отдам... Руку, сердце — а?.. Руку, сердце... Руку и сердце...

И куда-то вдруг заспешил, унося с собой руку и сердце...

Иерусалим